

РСТ 5
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

ЖИВАЯ ВОДА.

РАЗСКАЗЪ.

Съ рисунками.

Цена 90 коп.

Москва—1918

Типографія ТЕОДОРЪ ДОРТМАНЪ.
Москва, Тверск , Газетн., 6. Тел. 106-45.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. М222

ЖИВАЯ ВОДА.

РАЗСКАЗЪ.

Съ рисунками.

3-е изданіе редакціи журнала „ЮНАЯ РОССИЯ“.

Москва, Большая Молчановка, д. № 18.

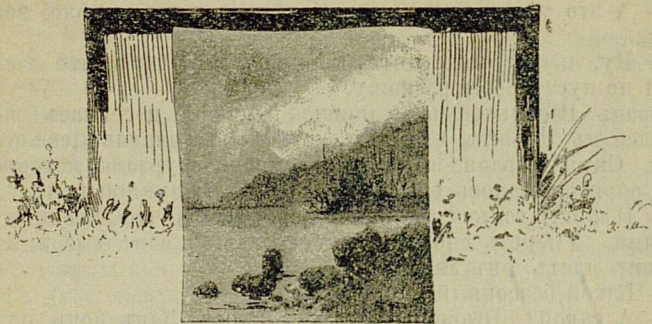
905861

662332 КХ-редк.

Российская государственная
детская библиотека

Типография Т. ДОРТМАНЪ Москва, Тверская, Газетный, 6. Тел. 1-06 45.

Научная библиотека
дома детского творчества
издательство
Московская типография

ЖИВАЯ ВОДА.

(Разсказъ).

I.

На Солонецъ мы прїѣхали ночью, когда весь курортъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Приходилось двигаться тихо и говорить шопотомъ, чтобы не потревожить чуткаго сна больныхъ. Только одинъ сторожъ спалъ такъ крѣпко, что мы его едва растолкали. Сначала онъ, видимо, принялъ насъ за разбойниковъ, но, увидавъ нашъ сибирскій тарантасъ, заложенный тройкой, успокоился, и, зѣвая, спросилъ:

— Да вамъ-то чего здѣсь понадобилось ночью?..

— А мы изюмомъ торгуемъ — вотъ и прїѣхали, — пошутилъ мой спутникъ Иванъ Васильевичъ, очень добродушный и неизмѣнно веселый человекъ. — Номера свободные есть?

— Номера? А я почему знаю? Прїѣзжали бы днемъ, а то нашли время... Всѣ спятъ. И Всеволодъ Александровичъ тоже спить...

— Это докторъ?

— Конечно, докторъ...

— Такъ какъ же, по-твоему, намъ на улицѣ ночевать?

— А это ужъ ваше дѣло... Известно, ночное дѣло, всѣ спать...

— Ну, и мы тоже хотимъ спать... Впрочемъ, что я съ тобой по-пусту бобы развожу.

Иванъ Васильевичъ отличался энергіей и сейчасъ же скрылся въ темнотѣ. Слышны были только удалявшіеся его шаги. Онъ направился прямо къ зданію курзала, которое чуть обрисовывалось во мглѣ июльской безлунной ночи.

— И жисть только...—ворчалъ сторожъ, почесывая спину локтями. Умереть спокойно не дадутъ... Да вонъ безсонный дьяконъ идетъ, онъ знаетъ.

— Какой безсонный дьяконъ?

— А такой... Вгрой мѣсяць не спитъ. Какъ ночь, онъ и бродитъ по парку, какъ неприкаянная душа. Тоже, навяжется человѣкъ...

Изъ темноты по дорожкѣ слышались приближавшіеся шаги, и скоро показалась высокая, тощая фигура.

— Въ самомъ курзалѣ вчера освободились два номера...— вѣжливо предупредилъ изъ темноты голосъ безсоннаго дьякона.— Двѣ дамы съ мигренью уѣхали... Здравствуйте.

Мы поздоровались. Я закурилъ папирску и при колебавшемся освѣщеніи горѣвшей спички успѣлъ разсмотрѣть, что суровый сторожъ былъ, несмотря на теплую лѣтнюю ночь, одѣтъ въ тяжелый овчинный тулупъ, а о. дьяконъ бродилъ по парку въ одномъ подрясникѣ.

У него было блѣдное, измученное лицо съ лихорадочно блестящими темными глазами.

— Въ самый разъ, — продолжалъ ворчать старикъ. — Баринъ-то пошелъ въ номера, а разбудить Карлу Карлыча, такъ попадетъ на орѣхи... Нѣмецъ злющій, какъ подколотый змѣй. Онъ и самого Всеволода Александрыча снова чуть не зашибъ камнемъ... Разстервенится, такъ ему, нѣмцу, все одно.

— Пустяки болтаешь, старикъ, — мягко остановилъ о. дьяконъ. — Карлъ Карлычъ больной человѣкъ, [ну и погорячится иногда...

Больно-ой! Роба-то вонъ какая красная...

— Хорошо, довольно, Ты начинаешь говорить грубости...

Въ темнотѣ золотой искоркой показалась папирска Ивана Васильича. Онъ, видимо, былъ въ хорошемъ на-

строеніи духа, потому что шелъ и мурлыкалъ какую-то пѣсенку.

— Номеръ нашелъ... — заявилъ онъ весело, здороваясь съ о. дьякономъ, точно вчера съ нимъ разстался. — Отличный номеръ...

Багажъ нашъ былъ не великъ, и мы скоро очутились въ своемъ номерѣ, небольшой комнаткѣ въ одно окно, выходившее на узкую деревянную галлерею, обложившую легкимъ бордюромъ второй этажъ деревяннаго, довольно ветхаго зданія курзала.

— Ничего, жить можно... — рѣшилъ Иванъ Васильичъ, распахивая окно. — Вотъ бы теперь самоварчикъ... Ну, да ужъ такъ, всухомятку заснемъ.

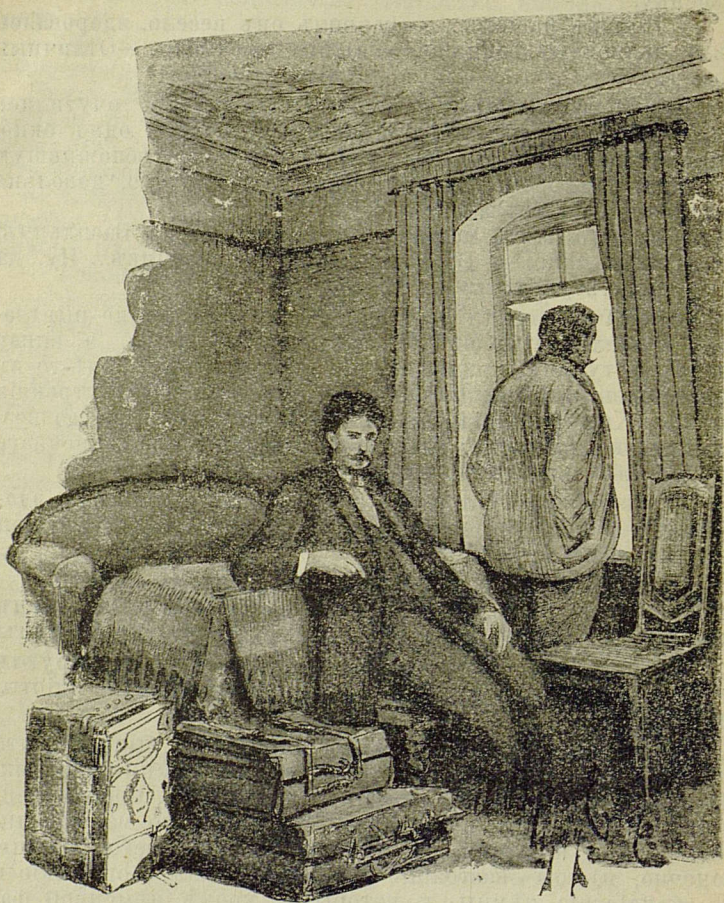
Небо начало свѣтлѣть. Направо, на горѣ, точно вырѣзалась тяжелой глыбой вѣковая сосновая роща, а внизу заблѣлъ туманъ, прикрывавшій спавшую рѣку. Гдѣ-то въ береговыхъ заросляхъ слабо чирикали первыя утреннія птички. Хороши такія іюльскія ночи на Уралѣ, когда воздухъ чутко дремлетъ, точно дожидаясь перваго солнечнаго луча, чтобы вспыхнуть всеми красками и звуками.

Мы сейчасъ же улеглись спать. Чувствовалась та здоровая дорожная усталость, которая получается только при поѣздкахъ на лошадяхъ.

Мы, вѣроятно, проспали бы очень долго, но насъ разбудили громкіе шаги по нашей галлерей. Иванъ Васильичъ выглянулъ въ окно, оставленное открытымъ, и проворчалъ:

— Англичане... Всѣ больные спятъ, а они маршируютъ по всей галлерей и стучатъ своими сапожниками. Идіоты, ей Богу!..

Одной изъ странностей Ивана Васильича было то, что онъ не выносилъ англичанъ, называя ихъ рыжими чертями. На Уралѣ, по заводамъ, разнымъ промысламъ, промышленнымъ предпріятіямъ и фабрикамъ прижилось не мало англичанъ. Были и французы, и бельгійцы, а всего больше, конечно, нѣмцы — настоящіе нѣмецкіе нѣмцы, остзейскіе и тѣ обрусѣвшіе нѣмцы, у которыхъ, кромѣ нѣмецкой фамиліи, ничего нѣмецкаго уже не оставалось. Французовъ, сравнительно, встрѣчается мало, да и тѣ проживаютъ временно, какъ и бельгійцы, а нѣмцы всехъ трехъ категорій едѣлались давно своими людьми, и только одни англичане

ревниво остаются англичанами и живутъ своею собственною, замкнутою англійскою жизнью. Вѣроятно, за послѣднее добрыйшій Иванъ Васильичъ и не любилъ англичанъ, считая ихъ эгоистами, гордцами и презирающими все русское, кромѣ русскихъ денегъ. Впрочемъ, по его убѣжденію, вся заграница была населена отъявленными негодяями.

Иванъ Васильичъ затворилъ окно, спустилъ штору и непремѣнно хотѣлъ заснуть. Но англичане продолжали упорно маршировать, и ему пришлось прятать голову подъ подушку. Я пробовалъ послѣдовать его примѣру и съ одинаковымъ неуспѣхомъ, точно англичане шагали въ собственномъ ухѣ. Мы промучились такимъ образомъ съ полчаса, и наконецъ, Иванъ Васильичъ не вытерпѣвъ, высунувъ голову изъ-подъ подушки, онъ шопотомъ спросилъ:

— Вы не спите?

— Нѣтъ...

Онъ сѣлъ на кровати и проговорилъ уже другимъ тономъ:

— А знаете, мнѣ отличная мысль пришла въ голову... Да... Мы закажемъ самоварчикъ... Хе-хе... А пока его подадутъ, мы сходимъ умыться прямо на рѣку. Отлично? Лѣтомъ я люблю умываться на свѣжемъ воздухѣ... А потомъ напьемся чайку.

Черезъ четверть часа мы уже были на берегу рѣки, гдѣ въ воду были проведены деревянные мостики. На мосткахъ сидѣлъ безсонный о. дьяконъ съ удочкой въ рукахъ, а рядомъ съ нимъ тоже съ удочкой черноволосый плотный мужчина въ лѣтней чесучевоѣ парѣ. Я догадался, что послѣдній былъ тотъ самый сердитый Карлъ Карлычъ, о которомъ ночью говорилъ сторожъ.

— Нашли мѣсто удить...— ворчалъ Иванъ Васильичъ.— Придется прямо съ берега умываться. Ну, да ничего... Вонъ и камень выставляется изъ воды. Еще удобнѣе, чѣмъ съ мостковъ.

Иванъ Васильичъ прыгнулъ на камень, но не могъ сохранить на его скользкой поверхности равновѣсія и бултыхнулъ въ воду, которая здѣсь, на его счастье, была всего по колѣно.

— Ахъ, негодяй!!—крикнулъ Иванъ Васильичъ, стараясь опять вылѣзти на предательскій камень.

— Кто негодай? — строго обратился къ нему господинъ въ лѣтнемъ костюмѣ.

— Камень проклятый...

Ну, камень не виноватъ, а вотъ вы пугаете рыбу.. Кажется, могли бы умыться и у себя въ номерѣ.

— Извините, пожалуйста... А рыба, наоборотъ, всегда бѣжитъ на шумъ.

Сердитый господинъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на стоящаго въ водѣ Ивана Васильича, пожалъ плечами и отвернулся. Лицо у него было красное, загорѣлое и, какъ говорится, дышало здоровьемъ, и никто бы не подумалъ, что это очень серьезно больной человѣкъ. О. дьяконъ кивнулъ намъ головой, какъ старымъ знакомымъ, и принялся успокаивать сердитаго господина.

— Вѣдь вотъ какая штука вышла... А? — возмущался Иванъ Васильичъ, когда мы возвращались домой. — Куда я теперь мокрый-то годенъ?

— Ничего, все высохнетъ, — успокаивалъ я его.

— Да вѣдь показаться никуда нельзя, пока не обсохну!..

II.

Иванъ Васильичъ переодѣлся, но запасныхъ панталонъ не оказалось и сапогъ также. Последнее его очень огорчило.

— Придется по солнышку ходить, пока не высохну, объяснилъ онъ, заваривая чай. — Вотъ только дамы тутъ кругомъ гуляютъ... Совѣстно какъ-то.

За чаемъ онъ успокоился, и на его кругломъ лицѣ появилась обычная добродушная улыбка. Мнѣ нравилось, когда онъ улыбался. Сердитымъ я его, впрочемъ, никогда не видалъ, и мнѣ кажется, что онъ принадлежалъ къ очень рѣдкому типу людей, которые просто не умѣютъ сердиться.

— А нѣмецъ-то какъ на меня окрысился... — смѣялся Иванъ Васильичъ, прихлебывая чай. — Вѣдь это съ каждымъ могло случиться. Ну, да Богъ съ нимъ... Ему же хуже. Мнѣ одинъ старичокъ докторъ говорилъ, что кто много сердится, у того печенка дѣлается, какъ рѣшето. А вотъ утро сегодня отличное... И воздухъ какой здѣсь...

Утро, дѣйствительно, выдалось чудное, а со стороны соснового бора такъ и тянуло застоявшимся за ночь смолистымъ ароматомъ

— А знаете, что я придумалъ?—заговорилъ Иванъ Васильичъ, когда мы кончили пить чай.—Я внизъ не пойду, а буду гулять на солнышкѣ по галлерей, пока не просохну... Дамы всё гуляютъ въ роцѣ, ну, а здѣсь никого не будетъ. Ей Богу отлично...

— Да что ужъ вы такъ беспокоитесь, Иванъ Васильичъ... Въ случаѣ чего можемъ сказать, что ночью гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ экипажемъ попали въ воду. Да и дамъ знакомыхъ у насъ нѣтъ. Никто и вниманія не обратитъ.

— Нѣтъ, знаете, все-таки.. Ахъ, проклятый камень!..

Мы вышли на галлерей, захвативъ съ собою стулья.

— А вѣдь, право, хорошо, что мы рано встали, — говорилъ Иванъ Васильичъ, вдыхая всей грудью воздухъ.— Проспать такое утро просто безсовѣстно..

— Вы должны благодарить англичанъ, которые насъ разбудили...

Мнѣ въ это утро было особенно хорошо, потому что всего какихъ-нибудь двѣ недѣли я былъ на краю гибели. Смерть стояла близко, рядомъ... Но роковой кризисъ миновалъ, и вотъ я сижу на яркомъ солнцѣ, жадно вдыхаю свѣжій воздухъ, любуюсь чуднымъ видомъ, который открывался съ высоты нашей галлерей, и чувствую, какъ оживаю каждой каплей крови. Въ серіозныхъ болѣзняхъ есть своя мудрость, потому что человѣкъ, именно, въ эти моменты точно прислушивается къ своему внутреннему міру, спускается въ тѣ душевныя глубины, гдѣ незримо и неустанно вершится вѣчная тайна несознаваемой нами въ здоровомъ состояніи жизни. Всѣ чувства пріобрѣтаютъ необыкновенную чуткость, точно отъ нихъ отодвинули какую-то стѣну изъ обычной сутолки, маленькихъ заботъ и опутывающихъ каждый нашъ шагъ пустяковъ. Яркая и радостная картина начинающагося выздоровленія служитъ только переходнымъ состояніемъ, и мы, обновленные болѣзnią, точно начинаемъ новую жизнь. Да, хорошо, радостно и какъ-то особенно свѣтло на душѣ въ такія минуты, и я переживалъ ихъ сейчасъ. Хотѣлось просто сидѣть на солнцѣ, дышать и любоваться вѣчно новой красотой природы... Развѣ не чудо вотъ такой солнечный лѣтній день? И каждый зеленый

листочекъ—чудо, и каждая капля росы—чудо, и каждое наськомое — чудо, а самое большое чудо это — то, что творится въ душѣ человѣка.

Мнѣ не хотѣлось даже спускаться внизъ, чтобы не нарушать своего блаженнаго состоянія.

Провинціальныя минеральныя воды Солонецъ занимали очень красивый горный уголокъ, служившій выпадомъ далекаго горнаго кряжа. До настоящаго Урала отсюда было верстъ сто. Съ рѣки видъ представлялся такой: на переднемъ планѣ по берегу рѣки вытянулись деревянныя постройки, подходившія слѣва къ горѣ, поросшей сосновымъ боромъ, повыше ваннъ, въ полугорѣ стоялъ нашъ курзалъ, а въ бору были настроены отдѣльныя дачи. Отъ курзала длинная деревянная галлерей вела къ самому „солонцу“, какъ крестьяне называли бившій изъ высокой известковой скалы минеральный источникъ. Общій видъ былъ очень оригиналенъ и красивъ. За небольшой, но очень бойкой рѣчкой были разбросаны дачи и кое-какая крестьянская стройка, а за ними безконечныя поля.

— Красиво... — думалъ вслухъ Иванъ Васильичъ, вытягивая ноги на самый припекъ. — Знаете, скотина прибѣгаетъ сюда верстъ за двадцать, чтобы напиться воды изъ солонца. Вода-то соленая, пу, скотина и рвется. Вотъ увидите: деревянная загородка стоитъ, гдѣ лишняя вода изъ источника стекаетъ въ рѣчку, такъ лошади всѣ столбы обгрызаютъ. Крестьяне, когда идутъ въ поле косить или жать, берутъ съ собою воду въ ведеркахъ. Очень полезная вода, если у кого малокровіе, катаръ желудка, ревматизмы... Настояція чудеса бывають: привезутъ человѣка безъ рукъ, безъ ногъ, пальцемъ не можетъ шевельнуть, а глядишь, черезъ мѣсяць-полтора онъ ужъ въ бору гуляетъ. Я-то здѣсь не въ первый разъ, такъ достаточно насмотрѣлся. Прямо, можно сказать, благодать Божія.

Иванъ Васильичъ хотѣлъ еще что-то сказать и даже раскрылъ ротъ, но въ этотъ моментъ въ дальнемъ концѣ галлерей показалась какая-то дама съ зонтикомъ, и онъ опрометью бросился въ противоположный конецъ. Когда дама прошла, голова Ивана Васильевича показалась въ окнѣ нашего номера.

— Вотъ напугала-то!.. — говорилъ онъ, — даже задохся, такъ бѣжалъ... А я, знаете, чѣмъ по коридору бѣгать,

буду въ окно спастись. Разъ — и въ своемъ номерѣ... Отлично!..

Но первый же опытъ прыганья въ окно для Ивана Васильича кончился довольно неудачно: онъ упалъ на полъ и зашибъ коленную. А дама оказалась просто нашей коридорной горничной. Ее послалъ докторъ узнать, что за люди пріѣхали ночью. Но она еще не успѣла довести вопроса до конца, какъ на галлерей показался и самъ докторъ, очень полный господинъ въ лѣтнемъ костюмѣ, съ типичнымъ русскимъ лицомъ. Сѣрые глаза, мягкій носъ, широкое, мясистое лицо, русая окладистая бородка, немного обрюзглая преждевременная полнота, жирный смѣхъ — все было одно къ одному. Онъ еще издали кричалъ, завидѣвъ меня:

— Ахъ, многоуважаемый, наконецъ-то!.. Очень радъ, очень радъ...

Мы расцѣловались, и докторъ еще нѣсколько разъ повторилъ свое любимое словечко: „многоуважаемый“.

— Отлично сдѣлали, что пріѣхали, многоуважаемый. Мы тутъ васъ полѣчимъ... И водички попьете, и покушаетесь...

Увидавъ вылѣзшаго изъ окна Ивана Васильича, докторъ засмѣялся.

— Что это вы придумали, многоуважаемый? Точно въ водевилѣ...

Иванъ Васильичъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ разсказалъ о своемъ неудачномъ умываніи, но, вмѣсто сочувствія, встрѣтилъ только раскатистый смѣхъ доктора.

— Ахъ многоуважаемый, многоуважаемый! Очень жалѣю, что не присутствовалъ при вашемъ купаньи... Воображаю, какъ разсердился многоуважаемый Карлъ Карлычъ. А что касается вашихъ панталонъ, то это пустяки. Если хотите, я могу сказать, что прописалъ вамъ лѣчение по методу патера Кнейпа или доктора Ламана. Они заставляютъ ходить больныхъ босыми по утренней росѣ, по водѣ и даже по снѣгу. Многоуважаемые, что же вы сидите здѣсь? Идите внизъ...

Мы спустились въ первый этажъ, гдѣ была общая зала для обѣдовъ и ужиновъ, бильярдная, библіотека и аптечка. Изъ нея длинная деревянная галлерей вела къ источнику,

который ровной струей билъ въ большой каменный бассейнъ. По галлерей уже гуляли больные, исполняя докторскую программу. Докторъ здоровался направо и налево, на ходу выслушивалъ разные жалобы своихъ пациентовъ на одолѣвавшіе ихъ недуги, на ходу давалъ имъ совѣты, шутилъ съ выздоравливающими и вообще превратился въ отца своего многочисленнаго больного семейства.

Иванъ Васильичъ захватилъ изъ номера свой чайный стаканъ и залпомъ выпилъ первую порцію.

— Отличная вода... — хвалилъ онъ, передавая стаканъ мнѣ, — Замѣчательная вода. Вотъ сами увидите. Обыкновенной воды не выпьешь и трехъ стакановъ, а этой сколько угодно. Мнѣ случалось выпивать въ сутки стакановъ по двадцати. Ей Богу...

Я попробовалъ. Вода была холодная, солоноватая, съ сильнымъ запахомъ тухлаго яйца. Последнее говорило о большомъ содержаніи сѣроводорода. Первое впечатлѣніе было не изъ пріятныхъ, и я не могъ выпить за разъ цѣлаго стакана.

— Это только сначала, а потомъ привыкнете, — объяснилъ мнѣ Иванъ Васильичъ.

— Многоуважаемый, что вы дѣлаете? — кричалъ намъ докторъ издали, размахивая, по обыкновенію, руками. — Иванъ Васильичъ, для чего вы-то пьете воду? Развѣ вы больны?

— Пить, слава Богу, совершенно здоровъ...

— Навѣрно, утромъ, чай пили?

— А то какъ же?... Даже съ удовольствіемъ...

— Ну такъ и есть... У васъ, многоуважаемый, изъ желудка образуется чернильница, какъ у каракатицы, потому что вода содержитъ въ себѣ желѣзо...

— Ничего, докторъ, будьте покойны: для меня всякая вода полезна.

III.

Въ теченіе одного дня мы познакомились почти со всѣми „курсовыми“, а также и съ порядкомъ курсового дня. „Солонецъ“ пользуется большой популярностью, и на него съѣзжается, кромѣ своей уральской публики, много больныхъ изъ Сибири. Кромѣ больныхъ и выздоравливающихъ набиралась просто дачная публика.

Передъ завтракомъ мы долго гуляли въ сосновомъ бору, гдѣ, какъ бабочки, мелькали десятки разноцвѣтныхъ дамскихъ зонтиковъ. Кое-гдѣ больные качались въ гамакахъ, прицѣпленныхъ къ вѣковымъ соснамъ. Главнымъ образомъ, эту мирную картину лѣтняго покоя оживляли дѣти, которыя, какъ воробьи, неожиданно вылетали изъ-за каждаго куста. Крикъ, шумъ, звонкій дѣтскій смѣхъ, и моментально все исчезаетъ. Маленькое человѣчество пользовалось лѣтней свободой отъ чистаго сердца, не обращая ни на кого вниманія.

— Если бы не стыдно, и я побѣгалъ бы съ ними, — признавался Иванъ Васильичъ. — Люблю эту дѣтвору... Главное, веселый народъ, и все нипочемъ. Озорники, конечно, а все-таки пріятно даже издали посмотреть.

Но не всѣ дѣти были веселы. Въ колясочкахъ возили больныхъ; нѣкоторые лежали на травѣ; попадались дѣти съ костылями, но такихъ, сравнительно, было немного.

— Ничего, солнышко всѣхъ вылѣчить, — говорилъ Иванъ Васильичъ.

Больные мужчины встрѣчались рѣже, потому что уже дѣлалось жарко, и они предпочитали сидѣть на галлерей или даже у себя въ номерахъ, какъ сердитый Карлъ Карлычъ, который у окна чертилъ какіе-то планы. Онъ былъ инженеръ, служившій представителемъ какой-то иностранной фирмы.

Къ общему завтраку въ курзалѣ собралось человѣкъ тридцать, нѣкоторые предпочитали завтракать по своимъ номерамъ. Докторъ познакомилъ насъ, между прочимъ, и съ сердитымъ Карломъ Карлычемъ, который оказался совсѣмъ не сердитымъ, а даже веселымъ и большимъ говоруномъ. Исключеніе представляли одни англичане, которые

помѣстились за отдѣльнымъ столикомъ и не обращали ни на кого вниманія. Ихъ молчаливое общество оживлялъ только мальчикъ съ рыжими волосами, одѣтый въ синюю матросскую куртку. Ему было лѣтъ шесть, но миловидное дѣтское личико казалось преждевременно серьезнымъ.

За завтракомъ завязался общій бѣглый разговоръ. Дамы интересовались, какъ о. дьяконъ провелъ ночь.

— Опять не спалъ... — съ больной улыбкой отвѣчалъ онъ.

— У васъ нервы... — объясняла какая-то худенькая дама. Эти простые слова почему-то разсердили Карла Карлыча, и онъ раздраженно заговорилъ.

— Нервы?!.. Простой русскій дьяконъ и вдругъ.. нервы! Это у дамы нервы, а тутъ простой русскій дьяконъ, который просто много пилъ своей простой русскій водка... Пфе...

Карль Карлычъ даже покраснѣлъ и началъ размахивать руками. На выручку подоспѣлъ докторъ.

— Многоуважаемый Карль Карлычъ, вы напрасно оскорбляете нашего почтеннаго о. дьякона, который никогда не пилъ водки. Это разъ... А во-вторыхъ, вы очень добрый человекъ, хотя это скрываете отъ насъ, и совсѣмъ не желали обижать о. дьякона. Да? Наконецъ, вы сами, многоуважаемый, нервничаете хуже всякой дамы...

Карль Карлычъ окончательно вспылилъ и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, почти закричалъ на доктора.

— Я!? Нервы!? О, я имѣю право имѣть нервы... да! Я совсѣмъ другое дѣло.. Я дѣлалъ франко-прусская кампанія, я имѣлъ рана подъ Гравелотъ, я работалъ всю жизнь... Я и сегодня работалъ все утро. А русскіе не умѣютъ работать и не имѣютъ права имѣть нервы... Мнѣ все давало на нервы!

Разсердившись, Карль Карлычъ начиналъ коверкать русскій языкъ. Глядя на него, каждый могъ убѣдиться, какъ невѣрно наше ходячее мнѣніе о нѣмцѣ, какъ существъ непремѣнно бѣлокуроемъ, неподвижномъ и безстрастнымъ. Карль Карлычъ горячился изъ-за всякаго пустяка, выходилъ изъ себя и глубоко возмущался. Зачѣмъ простой русскій дьяконъ не спитъ? Почему къ завтраку подали такой жесткій бифштексъ, точно его выкроили изъ какойнибудь необыкновенно большой мозоли? Почему доктору всегда

везетъ въ карты? Почему на прошлой недѣлѣ шелъ дождь и была гроза? Благодаря этой строптивости, Карла Карлыча однажды чуть не высѣкли. Да, Карла Карлыча, который дрался подѣ Вертомъ, получилъ рану подѣ Гравелотомъ... Дѣло было такъ. Карлъ Карлычъ уѣхалъ на цѣлое лѣто въ Финляндію, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ: Карлъ Карлычъ любилъ цвѣты и устроилъ около своей дачи великолѣпный цвѣтникъ. А чухонскій пѣтухъ любилъ приходить въ цвѣтникъ каждое утро и разрывалъ грядки, отыскивая червячковъ. Карлъ Карлычъ страшно сердился, подкараулилъ пѣтуха на мѣстѣ преступленія и запустилъ въ него камнемъ съ явнымъ намѣреніемъ лишить жизни. Хозяинъ пѣтуха, чухонецъ, тоже разсердился и привлекъ Карла Карлыча къ суду, а чухонскій судья по своимъ чухонскимъ законамъ приговорилъ Карла Карлыча къ наказанію розгами. Карлъ Карлычъ постыдно бѣжалъ изъ Финляндіи и теперь колотилъ себя кулаками въ грудь, стоило ему только напомнить объ этой ненавистной странѣ.

— Я — честный баварецъ... Да! — повторилъ Карлъ Карлычъ. Я давалъ чухонцу на морда... Я убѣжалъ изъ Финляндіи, какъ честный баварецъ.

Анекдотъ о пѣтухѣ я слышалъ раньше. Рассказывали о какомъ-то генералѣ. Но Карлъ Карлычъ все переносилъ на себя, и, какъ мнѣ кажется, самъ вѣрилъ тому, что рассказывалъ. У него были, такъ называемыя въ медицинѣ, навязчивыя идеи. Напримѣръ, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что нѣкоторые изъ курсовыхъ его презираютъ. Была одна худенькая дама полька, которая пріѣхала на воды вмѣстѣ съ двумя племянниками, и Карлъ Карлычъ увѣрялъ доктора отъ чистаго сердца:

— О, я — честный баварецъ и все понимаю... Да! Эта дама меня не уважаетъ... Вы посмотрите, какъ она всегда отворачивается отъ меня. О, она непременно что-нибудь сдѣлаетъ.

— И ночной сторожъ тоже не уважаетъ? — смѣялся докторъ.

— Это большой разбойникъ съ дороги... *). Вамъ правится, что онъ когда-нибудь меня зарѣжетъ.

*) Вмѣсто: Разбойникъ съ большой дороги.

— Ему одному не справиться, многоуважаемый, и онъ пригласить для этого на помощь польскую даму...

Послѣ завтрака мы пили кофе, потомъ отдыхали у себя въ номерѣ, потомъ пили воду и долго гуляли въ рошѣ. Докторъ обладалъ счастливой способностью появляться за-разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ что отъ него невозможно было скрыться, Вездѣ слышался его смѣхъ и громкій голосъ. Онъ, какъ хорошій пастухъ, зорко пасъ свое большое стадо.

— Охъ, усталъ... Умираю отъ жары... — повторялъ онъ, вытирая лицо платкомъ.

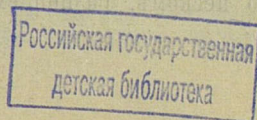
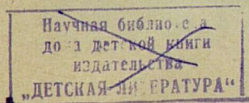
IV.

Въ теченіи двухъ-трехъ дней наша жизнь на Солонцѣ совершенно опредѣлилась. Мы вставали сравнительно рано. Иванъ Васильичъ сейчасъ же бѣжалъ купаться. Потомъ пили въ общей залѣ чай и составляли планъ на весь день, при чемъ новаго ничего не могли придумать. Тѣ же прогулки въ сосновомъ бору, катанье на лодкѣ, ужение рыбы и т. д. Вечеромъ въ общей залѣ игралъ маленькій оркестръ изъ пяти музыкантовъ, но танцующихъ не было, за исключеніемъ двухъ-трехъ дѣтскихъ паръ.

Я, вообще, замѣтилъ, что русскіе люди совершенно не умѣютъ отдыхать и страшно скучаютъ, когда врачи приговариваютъ ихъ къ обязательному отдыху. Исключеніе представляла стайка учительницъ, пріютившаяся въ деревнѣ за рѣкой. Онѣ чувствовали себя очень весело.

— Помилуйте, что же еще нужно: чудный воздухъ, купанье, прогулки, — заявляли онѣ. — А главное, все здѣсь удивительно дешево: мы втроемъ платимъ за комнату пять рублей, цыплята покупаемъ по пяти копѣекъ штука, крынка молока въ три бутылки стоитъ четыре копѣйки. Однимъ словомъ, лучшаго и желать грѣшно.

Восхищавшаяся Солонцомъ дѣвушка походила на молоденькую пестренькую курочку. Худенькая, остроноса, вся какая-то сѣренькая, но очень живая и подвижная. Она не догадывалась, что хорошо на Солонцѣ совсѣмъ не по-

662332

тому, что все здѣсь было дешево, и воздухъ былъ великолѣпный, а потому, что ей было всего восемнадцать лѣтъ, и что она была здорова, какъ рыба.

Это естественное веселье здороваго человѣка сейчасъ же заглохло за живое Карла Карлыча. Кажется, онъ даже принялъ его за личное оскорбленіе и, нахмурившись, проговорилъ:

— Вотъ погодите, проведутъ сибирскую желѣзную дорогу.

— Ну, и что же будетъ?

— Что будетъ? А... что будетъ? — вскипѣлъ, по обыкновенію, онъ безъ всякаго повода. — А вотъ что будетъ: дорога съѣстъ всѣхъ вашихъ дешевыхъ цыплятъ, выпьетъ все ваше дешевое молоко, скушаетъ весь вашъ дешевый хлѣбъ, и вы будете платить за курицу, какъ на Баваріи, три рубля... Да! На Баваріи все дорого, и это не есть справедливо...

Увы? Карлъ Карлычъ на этотъ разъ оказался совершенно правъ. Тогда сибирская желѣзная дорога только еще строилась, а когда ее открыли. — все, дѣйствительно, вздорожало вдвое и втрое.

Несмотря на свое вѣчное ворчанье и придирчивость, Карлъ Карлычъ являлся тѣмъ, что называется душой общества. Когда онъ по дѣламъ уѣзжалъ на нѣсколько дней въ Екатеринбургъ, всѣмъ чего-то не доставало, и всѣ отъ души радовались, когда онъ возвращался на Солонецъ. Особенно любили Карла Карлыча дѣти, хотя онъ частенько и ссорился съ ними, ссорился какъ-то по-дѣтски. А дѣтей было много, разныхъ національностей: маленькіе, но уже аккуратные нѣмцы, одинъ чахлый французикъ съ англійской болѣзнью, нѣсколько маленькихъ еврейчиковъ, очень умненькихъ и наблюдательныхъ, съ печальными глазами, два полячка, гордыхъ и легкомысленныхъ, и десятка два русскихъ дѣтей, опредѣленную характеристику которымъ невозможно дать, потому что «всякъ молодецъ былъ на свой образецъ». Маленькія дѣвочки мало чѣмъ отличались другъ отъ друга, несмотря на національность.

Передъ террасой нашего курзала былъ разбитъ цвѣтникъ, окаймлявшій круглую площадку, плотно утрамбованную пескомъ. Разноплеменная дѣтвора облюбовала это

уютное мѣстечко и, не смотря ни на какой жаръ, по цѣлымъ днямъ толкалась на ней. Съ своей террасы я по цѣлымъ часамъ наблюдалъ беззаботно веселившееся маленькое человѣчество, и мнѣ площадка казалась кашлей воды, какую приходилось наблюдать подъ микроскопомъ, и въ этой кашлѣ проворно и безъ усталы двигались инфузоріи-человѣчки.

О, это мальшики! — почему-то считалъ нужнымъ удивляться Карлъ Карлычъ, качая головою.

— А что.

— О, она будетъ вся большая. мальшики... Мы все будемъ: кракъ! А мальшики будутъ жить и будутъ дѣлать наше дѣло. Да, мы будемъ земля лежать...

— Почему же вы говорите объ однихъ мальчикахъ и забываете дѣвочекъ?

— Дѣвочка другое... Она не будетъ строить мельницы, проводить желѣзныя дороги, скупать сибирское сырье...

— Вы несправедливы, Карлъ Карлычъ, — у мальчиговъ свое дѣло, а у дѣвочекъ свое.

— Я говорю, какъ мужчина. О, у меня своихъ два мальшика... Тамъ, на Баваріа.

Карлъ Карлычъ для ясности поднялъ два пальца и съ гордостью улыбнулся. О, это настоящіе, маленькіе, честные баварцы... Они уже теперь имѣютъ собственныя деньги. Какъ же! У каждаго маленькаго баварца есть своя маленькая копилка, а изъ маленькой копилки деньги идутъ въ сберегательную кассу, гдѣ даютъ за нихъ проценты, Русскія дѣти не понимаютъ цѣны денегъ, а маленькіе баварцы отлично считаютъ.

— Почему же вы, Карлъ Карлычъ, не привезете дѣтей къ себѣ въ Россію?

— Жаль... Въ Россіи будутъ лѣнивые, а тамъ пусть учатся работать... Когда вырастутъ совсемъ большіе, тогда придутъ на Россію работать.

— А какъ же русскіе нѣмцы, по вашему, т. е. которые родились и воспитались въ Россіи?

— О, это совсемъ не нашъ... Это такъ, седьмого киселя.

У Карла Карлыча на лицѣ появилось презрительное выраженіе. Онъ признавалъ только нѣмецкихъ нѣмцевъ.

Маленькое человѣчество по-своему эксплуатировало Карла Карлыча, и можно было удивляться только дипло-

матическимъ хитростямъ, къ какимъ оно прибѣгало въ данномъ случаѣ. Сначала происходили таинственныя совѣщанія между собой, потомъ выбирали ходоковъ, которые и являлись къ Карлу Карлычу.

— Какъ ваше здоровье, Карль Карлычъ?

— Благодаримъ къ вамъ, очень хорошо...

— Сегодня прекрасная погода, Карль Карлычъ...

Карль Карлычъ понималъ, въ чемъ дѣло, и, лукаво подмигнувъ, говорилъ кому-нибудь изъ сосѣдей:

— О, какой маленькой большой плутъ...

А „маленькій большой плутъ“ послѣ этихъ предварительныхъ разговоровъ уже другимъ тономъ говорилъ:

— Карль Карлычъ, поиграемте въ войну?

— О!?

— Вы такой храбрый... Самый храбрый во всемъ Солонцѣ.

— О!?

Маленькое человѣчество отлично знало, когда Карль Карлычъ въ хорошемъ расположеніи духа, и пользовалось этимъ случаемъ. Онъ выходилъ на площадку, принималъ грозный видъ и спрашивалъ:

— Какъ по ротѣ?

— По ротѣ все спокойно, Карль Карлычъ! — отвѣчали тонкіе дѣтскіе голоса.

— Благодарю...

Дальше начиналась «война», т.-е. Карль Карлычъ бралъ палку и производилъ ученіе, Вооруженныя палками дѣти дѣлали ружейные пріемы, маршировали и т. д. Сдѣлавъ изъ ладони трубу, Карль Карлычъ подавалъ сигналы сбора, тревоги, наступленія, атаки, и, видимо, самъ увлекался игрой въ маленькіе живые солдатики.

— Карашо! — поощрялъ Карль Карлычъ, дѣлая исключеніе для одного золотушнаго купеческаго сына. — А ты всегда будешь швахъ..., Никогда не будешь настоящій солдатъ.

На эту войну собиралась и публика, главнымъ образомъ, скучавшія курсовыя дамы, желавшія непременно видѣть въ своихъ Коляхъ и Ваняхъ будущихъ героевъ. Онѣ выражали Карлу Карлычу свое одобреніе въ разныхъ формахъ и даже прощали, когда у него въ пылу битвы жилетъ поднимался кверху, и на кругломъ животѣ показывалась бѣлая полоска бѣлья, которую докторъ называлъ меридіа-

номъ. Мнѣ лично эта игра въ войну совсѣмъ не нравилась, потому что преждевременно и совершенно напрасно ожесточала дѣтскую душу. Милыя дѣтскія личики принимали звѣрское выраженіе, дѣтскіе кулаки угрожающе сжимались; дѣтское тѣло каждымъ мускуломъ готовилось къ нападенію... Гдѣ-то въ воздухѣ надъ этими дѣтскими головками уже проносился невидимый врагъ, и злой геній войны впередъ торжествовалъ, вызывая въ дѣтской чистой душѣ боевую злобу. Да, зародышъ войны томится въ дѣтскомъ сердцѣ, тотъ кровавый зародышъ, изъ котораго создаются величайшія бѣдствія...

Въ этихъ воинскихъ утѣхахъ не принималъ участія одинъ Чарли, маленький рыженькій англичанинъ. Онъ вообще почти ни съ кѣмъ не дружилъ, предпочитая гордое одиночество. Докторъ наблюдалъ его съ начала сезона и говорилъ:

— Это совсѣмъ особенный ребенокъ, который нисколько не походитъ на другихъ дѣтей. Англійская кровь... И мнѣ кажется, что вотъ эти англичане даже бываютъ больны по-своему, и лѣкарства на нихъ тоже дѣйствуютъ по-своему.

V.

День выдался томительно жаркій. Раскаленный воздухъ точно застылъ. Нечѣмъ было дышать, и всѣми овладѣла мертвая истома. Замерла деревня на противоположномъ берегу рѣки, замерла и рѣка живымъ зеркаломъ. и даже дамскіе зонтики больше не двигались въ бору, а бессильно валялись на землѣ, какъ сложенные крылья уснувшихъ бабочекъ.

Завтракъ прошелъ въ довольно уныломъ настроеніи. Карлъ Карлычъ вытиралъ потное лицо платкомъ, хмурился и съ презрѣніемъ тыкалъ вилкой въ довольно жесткій бифштексъ.

— Вамъ не нравится опять бифштексъ? — спросилъ его докторъ.

Этого невинного вопроса было совершенно достаточно, чтобы честный баварец сейчас же вспыхнул.

— О, это вы называете бифштекс? Да? Это бифштекс?.. Я еще не сошелъ съ ума, чтобы ѣсть подошву...

— Многоуважаемый, вы забываете одно... — перебилъ его докторъ... — Да, забываете, что здѣсь нельзя, при всемъ желаніи, достать хорошаго мяса... Крестьянскій скотъ тощій...

— Все русское — дрянъ! — точно выстрѣлилъ Карлъ Карлычъ, вскакивая. — Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до русскихъ тощихъ скотовъ... Я хочу за свои деньги имѣть хорошій бифштексъ, потому что плачу хорошія деньги.

Публика отнеслась къ протесту Карла Карлыча совершенно безучастно, а нѣкоторые даже потребовали себѣ на зло ему по второй порціи бифштекса. Это уже было слишкомъ обидно, и Карлъ Карлычъ, не кончивъ завтрака, убѣжалъ къ себѣ въ номеръ.

— Многоуважаемый, куда вы? — кричалъ ему велѣдъ докторъ, а потомъ прибавилъ уже другимъ тономъ: — ничего, ему полезно немного поголодать... Вѣроятно, будетъ гроза, вотъ онъ и нервничаетъ съ ранняго утра. Еще выкинетъ какуюнибудь штуку...

— Здорово парить; навѣрно, будетъ гроза, — подтвердилъ о. дьяконъ.

Дамы единогласно заявили, что всѣ страшно боятся грозы. Кстати, кто-то припомнилъ случай, какъ во время грозы убило дѣвушку, которая сидѣла у раскрытаго окна. Сидѣвшій рядомъ съ докторомъ сѣденькій старичокъ купецъ, хранившій всѣ дни упорное молчаніе, неожиданно принялъ къ сердцу вопросъ о грозѣ и заявилъ:

— Молоньей, значить, всегда бабъ убиваетъ...

— Почему же именно бабъ? — полюбопытствовалъ докторъ.

— А ужъ я этого не могу знать... Въ газетахъ всегда убитыхъ молоньей бабъ печатаютъ.

Дамы обидѣлись за слово «бабы», а старичокъ не понималъ и улыбался самой добродушной улыбкой. О. дьяконъ тоже припомнилъ нѣсколько случаевъ, когда людей убивало молніей, а Иванъ Васильичъ для иллюстраціи къ замѣчанію купца прибавилъ:

— Тоже вотъ, напримѣръ, я знаю нѣсколько случаевъ, когда молніей убивало коровъ, а быка ни одного.

Это уже было окончательно обидно для дамъ, и нѣкоторые поднялись изъ-за стола. Докторъ постарался поправить неудобный разговоръ.

— Многоуважаемый, вѣдь это понятно само собой, — я говорю о коровахъ, — Вѣдь въ стадѣ коровъ въ пятьдесятъ штукъ приходится всего одинъ быкъ. Что касается того, что молніей убиваетъ чаще всего женщинъ, то это опять понятно. Грозы бываютъ лѣтомъ, а мужчины, въ данномъ случаѣ мужики, всѣ въ полѣ, а дома остаются бабы. Постройки, хотя и невысокія, все-таки притягиваютъ къ себѣ молнію... Вотъ вамъ и объясненіе.

— А я замѣчалъ, что молніей никогда не убивало собакъ и кошекъ, — говорилъ о. дьяконъ. — Весьма странно, докторъ...

— Ну, ужъ этого я не могу объяснить, — отвѣтилъ докторъ, разводя руками. — Этакъ мы дойдемъ до таракановъ и комнатныхъ мухъ.

Разговоръ о грозѣ кончился, и мы отправились отдыхать по своимъ номерамъ, хотя и странно было говорить: отдыхать, потому что, кромѣ доктора и Карла Карлыча, по цѣлымъ днямъ никто ничего не дѣлалъ.

— А хорошо... — думалъ вслухъ Иванъ Васильичъ, стараясь поудобнѣе улечься на своей кровати. — Право, хорошо!.. Я не понимаю, зачѣмъ такъ волнуется нашъ Карлъ Карлычъ. Вотъ я, — я всего нѣсколько дней. какъ пью воду, а ужъ чувствую себя гораздо добрѣе.

Я невольно засмѣялся, но Иванъ Васильичъ продолжалъ развивать свою мысль.

— Нѣтъ, серіозно говорю: добрѣе. Вы наблюдайте за собой и убѣдитесь, что я правъ.

— Какъ же я могу въ этомъ убѣдиться, т. е. въ томъ, что сдѣлался добрѣе?

— А очень просто... Вчера вы легли вечеромъ и сейчасъ же заснули, а я долго не могъ заснуть. Лежу, и самъ здоровъ, а заснуть не могу. Ну, раздумался о томъ, о семъ... И что же бы вы думали, припомнилъ какой случай: возилъ нынче зимой мнѣ мужичекъ дрова, и я его обидѣлъ. Такъ, за здорово живешь, обидѣлъ... Разгорячился и обругалъ его, а онъ стоитъ передо мной, снялъ шапку и смотритъ на меня такими жалкими глазами. Вѣдь, развѣ хорошо обидѣть бѣднаго человѣка? Вотъ я и раздумался. Бѣдный та-

кой мужичонко, и лошаденка у него самая дрянная, а вѣдь онъ семью кормить, вытянулся на работѣ.

— При чемъ же тутъ Солонецъ?

— А вотъ при этомъ самомъ... да. Отчего я раньше этого не подумалъ? А тутъ лежу, и сдѣлалось мнѣ совѣстно, такъ совѣстно... Думаю: какъ только приѣду домой, сейчасъ разыщу этого мужичонка и... Однимъ словомъ, сниму съ себя грѣхъ, чтобы совѣсть не мучила.

Иванъ Васильичъ хотѣлъ еще что-то сказать и даже раскрылъ ротъ, но въ этотъ моментъ въ нашемъ коридорѣ послышался такой отчаянный вопль, что мы оба вскочили съ своихъ постелей.

— Мальшики!.. мальшики!! О, мальшики!!!

— Это Карлъ Карлычъ бунтуетъ, — соображалъ Иванъ Васильичъ, — Не даромъ давеча докторъ говорилъ, что онъ устроить штуку.

Когда мы выскочили въ коридоръ, нашимъ глазамъ представилась такая картина: въ глубинѣ коридора стояли два англичанина съ трубками въ зубахъ, безстрастные и неподвижные, какъ два истукана; ближе къ намъ стояла худенькая польская дама, за спиной которой прятались ея воспитанники. Передъ ней стоялъ Карлъ Карлычъ, возбужденный, красный, неистовый, съ поднятыми вверхъ кулаками.

— Я вамъ не позволю убивать дѣтей! — кричала худенькая дама, тоже поднимая руки. — Наконецъ, вы забываете, что я дама, и что кричать такъ на меня докторъ вамъ не позволить... Да...

— Ваши мальшики стучалъ мой дверь!! — неистово выкрикивалъ Карлъ Карлычъ, — Мой работалъ, а мальшики мнѣ мѣшалъ... Мальшики стучалъ мой дверь... О, я ихъ буду убивать, ваши мальшики! Вотъ такъ: кракъ! Кнакъ!! Трахъ...

Карлъ Карлычъ энергичнымъ жестомъ показалъ, какъ онъ уничтожитъ двухъ маленькихъ польскихъ шалуновъ. Въ этотъ критическій моментъ показался въ концѣ коридора докторъ.

— Многоуважаемые, успокойтесь! — кричалъ онъ на ходу, задыхаясь. — Карлъ Карлычъ... мадамъ... ради Бога! что такое случилось?

На шумъ выскочилъ о. дьяконъ, сѣденькій купчикъ, какія-то двѣ дамы, пріѣхавшія только вчера, — однимъ словомъ, собралась публика.

— Я дама, а онъ хотѣлъ убить моихъ дѣтей, — объяснила польская дама, задыхаясь отъ волненія. — Да, вотъ всё это слышали... Онъ и меня убьетъ, а я дама.

— О, малышки!! — неистово вопилъ Карлъ Карлычъ. — Мой работаль... мой никому не стучаль въ дверь...

Докторъ, не тратя напрасно словъ, схватилъ Карлъ Карлыча подъ руку, и силой утащилъ его въ его номеръ. Полька съ своими воспитанниками моментально скрылась, какъ насѣдка, которая прячетъ цыплятъ отъ ястреба. Англичане постояли, очевидно, ожидая еще новаго представленія, и потомъ величественно ушли въ свой номеръ. О. дьяконъ зашелъ въ нашъ номеръ и, чтобы подѣлиться впечатлѣніями, проговорилъ.

— Малышки, конечно, не правы, но и Карлъ Карлычъ потерялъ всякое душевное равновѣсіе... Вообще, не хорошо.

Всѣ номера раздѣлялись между собой тонкими дощатыми переборками, и слышно было все, что дѣлалось въ сосѣднихъ номерахъ. Голосъ Карла Карлыча разносился по всему коридору. Онъ страшно неистовствовалъ и говорилъ что-то, вѣроятно, очень обидное по адресу «дамъ съ малышками».

— Многоуважаемый, успокойтесь, — уговаривалъ его докторъ. — Выпейте стаканъ воды...

— Вы меня принимаете сумасшедшій человѣкъ, который бѣжалъ на клинику?

— Нѣтъ, вода успокаиваетъ, многоуважаемый!..

— Пусть вашъ дамъ съ малышки пьетъ вода, пусть вся рѣка пьетъ... О, если бы она не была дама... да... Я... я сказалъ бы ей, какъ честный баварецъ; ты — дуракъ!!

Докторскій спокойный голосъ подѣйствовалъ, какъ вода, и Карлъ Карлычъ вдругъ началъ стихать.

— Вѣдь у васъ въ Баваріи, многоуважаемый, есть свои дѣти, а всѣ дѣти любятъ пошалить...

— О, большой шалунъ!..

— Вотъ видите, многоуважаемый... Если ужъ баварскія дѣти шалятъ, то русскія всѣ шалуны. Вѣдь они вырастутъ большими и тогда не будутъ стучать въ двери чужихъ комнатъ. Такъ.

— Зачѣмъ я люблю дѣтъ, докторъ? А они мнѣ даютъ на нервы...

Въ голосѣ Карла Карлыча вдругъ слышались слезливыя ноты. Докторъ что-то говорилъ вполголоса, а потомъ было слышно, какъ онъ наливаль воду въ стаканъ.

— Онъ плачетъ?—удивился о. дяконъ.

— Кажется... У него истерическій припадокъ.

— Мнѣ, знаете, онъ нравится... добрый онъ въ сущности и дѣтей любитъ...

Посмотрѣвъ въ окно, Иванъ Васильичъ проговорилъ:

— А гроза-то будетъ... Очень хорошо... Послѣ грозы вся земля точно вздохнетъ. И всѣмъ дѣлается легко...

VI.

Вечеромъ, дѣйствительно, разразилась гроза, одна изъ тѣхъ буйныхъ грозъ, какія бываютъ только въ горахъ и въ подгорныхъ мѣстностяхъ. Наша компанія собралась на террасѣ, за исключеніемъ Карла Карлыча.

— Онъ теперь лежитъ въ постели и голову спряталъ подъ подушку, — объяснилъ докторъ. — Страшно боится грозы...

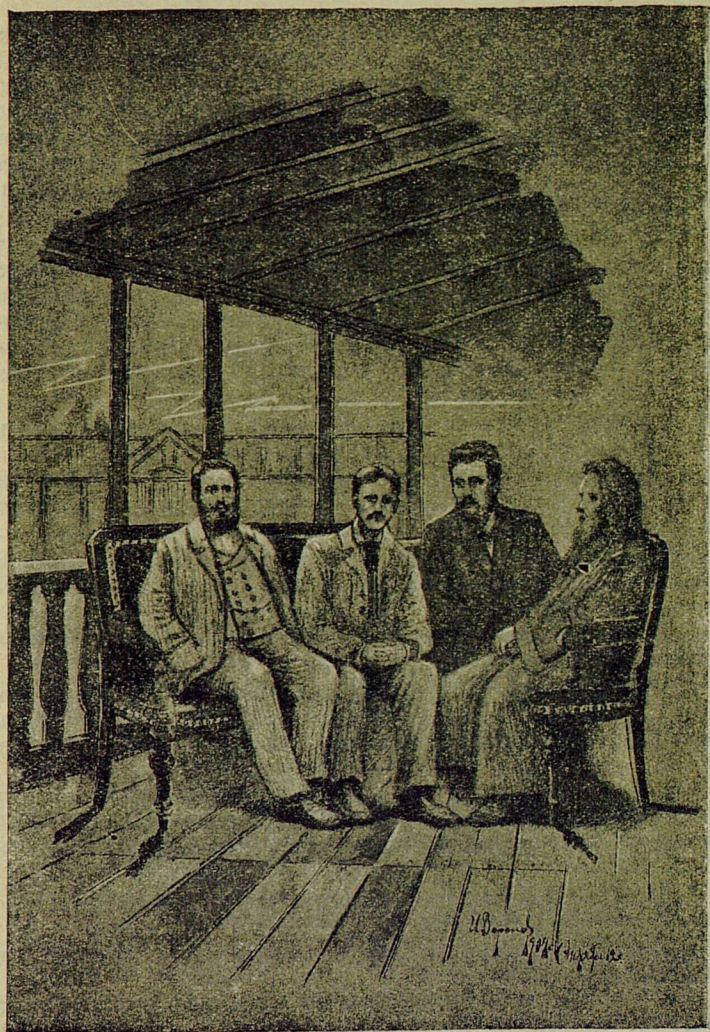
— И дамы всѣ попрятались по своимъ номерамъ...

Изъ нашей компаніи, вѣроятно, многіе побаивались грозы, а въ томъ числѣ и я. Не то чтобы страшно, а неприятно. Если кто совершенно не боялся грозы, такъ это о. дяконъ. При каждомъ всполохѣ молніи онъ шепталъ:

— Хорошо... Вявь чудо... Глаголь небесный.

— И грѣшная душа растетъ, — прибавлялъ Иванъ Васильичъ. — А я побаиваюсь грозы, особенно, когда одинъ. На людяхъ не такъ страшно...

Гроза разразилась съ жестокимъ ливнемъ. Передъ особенно сильными ударами грома дождь на нѣсколько секундъ стихалъ, точно сознательно подготавливалъ свѣтовой и звуковой эффектъ. И, дѣйствительно, получалась рѣдкая по своей красотѣ картина: изъ окружавшей тьмы на одно мгновеніе всполохомъ молніи выхватывалось громадное пространство—и рѣка и деревня за рѣкой, и далекія поля.

Все было ясно до мельчайшихъ подробностей. Послѣ каждаго всполоха молніи, тѣмнѣла еще темнѣе, видимый міръ точно проваливался въ бездну, а вмѣстѣ съ нимъ въ этой тѣмнѣ исчезалъ и человѣкъ съ его большимъ страхомъ за свое маленькое ничтожество. Древніе слышали въ грозѣ разгнѣванный голосъ своихъ боговъ, и мы прислушиваемся къ этому голосу съ мистическимъ страхомъ, не смотря на всѣ наши знанія.

Гроза продолжалась часа полтора. Истомленная зноемъ земля была напоена цѣлительной влагой, омытъ былъ каждый листочекъ, напилась воды досыта каждая травка. Гроза умчалась. Рѣже и рѣже доносились громовые раскаты, точно залпы отступавшей непріятельской арміи. Изъ лѣсу потянуло смолистымъ ароматомъ и запахомъ лѣсныхъ цвѣтовъ и засвѣжѣвшей травы.

— Господа, я ѣсть хочу...—неожиданно заявилъ докторъ, что вызвало общій смѣхъ.—Собственно, ужинъ прошелъ, но мы добудемъ какихъ-нибудь холодныхъ закусокъ. Кстати, нужно добыть Карла Карлыча... Храбрый „золдаты“, навѣрно, лежитъ еще подъ подушкой.

Появленіе головы Карла Карлыча въ окнѣ его номера вызвало общее оживленіе, точно онъ совершилъ какой-то необыкновенный подвигъ.

— О, я получилъ такой страхъ... — точно оправдывался честный баварецъ.

— Ну, что же, дѣло прошлое,—говорилъ докторъ, помогая Карлу Карлычу вылезти изъ окна.—А вы, многоуважаемый, будьте пайнкой и не станете больше капризничать...

Докторъ подхватилъ его подъ руку и повелъ внизъ, въ столовую. Карлъ Карлычъ немного конфузился за свой давешній скандалъ, а потомъ хитро подмигнувъ и проговорилъ:

— Весь домъ спитъ, и мальшикъ спитъ... Намъ останется больше мѣста за столомъ.

— Какой вы эгоистъ, Карлъ Карлычъ... — корилъ его докторъ.

Въ столовой мы провели время очень весело, главнымъ образомъ, благодаря поставленному не въ урочный часъ самовару. Для сибиряковъ самоваръ—все. Особенно развесе-

лился Карль Карлычъ и даже спѣлъ какую-то студенческую пѣсню, при чемъ почему-то снялъ пиджакъ.

— Иначе пѣсня не выходитъ... — объяснялъ онъ.

Когда пробило двѣнадцать часовъ, докторъ спохватился.

— Многоуважаемые, что же это такое: вѣдь вы больные и давно должны быть въ своихъ постеляхъ. Карль Карлычъ, о. дьяконъ, отправляйтесь спать.

Эта была счастливая мысль, и всѣ съ веселымъ галдѣніемъ, какъ выпущенные изъ класса школьники, разбрелись по своимъ номерамъ.

Мы спали по деревенски, съ открытымъ окномъ. Иванъ Васильичъ какъ легъ, такъ и заснулъ. Я не былъ настолько счастливъ и нѣсколько времени ворочался въ своей постели, а когда началъ засыпать, — меня разбудили осторожные шаги по террасѣ. Это шагаль нашъ безсонный о. дьяконъ, котораго растревожила гроза. Потомъ послышался осторожный разговоръ вполголоса. Я узналъ голосъ Карла Карлыча.

— Такъ чудо, о. дьяконъ?

— Великое чудо, Карль Карлычъ... А всякое чудо сокрыто отъ насъ. Возьмите хоть нашъ Солонецъ. Ну, стоитъ камень—только. Мало ли камней на свѣтѣ и каменистыхъ горъ, а тутъ Господь изъ камня источилъ живую воду. Откуда она берется, какъ образуется въ каменистыхъ нѣдрахъ? Такъ и съ людьми бываетъ... Да. Вѣдь въ каждомъ человѣкѣ есть живая вода, потому что есть душа, но не у всякаго она прорывается наружу. Почему, напримѣръ, мы всѣ любимъ не только своихъ дѣтей, но и чужихъ?

— Я очень люблю мальчика.

— Это все равно, Карль Карлычъ... Мы, большіе люди, любимъ въ дѣтяхъ утраченную нами невинность. „Будьте, какъ дѣти“, сказалъ Учитель.

Пауза. О. дьяконъ дѣлаетъ по террасѣ нѣсколько шаговъ. Слышно, какъ Карль Карлычъ угнетенно вздыхаетъ, а потомъ начинаетъ торопливо говорить, точно боится, что не успеетъ высказать всего. Да, все высказать вотъ въ эту чудесную лѣтнюю ночь, когда все освѣжилось промчавшейся грозой, когда, какъ говорилъ давеча о. дьяконъ, душа растетъ.

— Да, да... это хорошее русское слово: чудо.

— Внутреннее чудо, Карль Карлычъ...

— Вотъ именно. Сидимъ мы съ вами ночью на террасѣ... да... Вы русскій дьяконъ, я нѣмецкій инженеръ и бывшій солдатъ. А мысли и чувства у насъ одни... Представьте себѣ, вотъ сейчасъ сколько миллионовъ дѣтей спитъ — бѣлоурыхъ, русыхъ, рыжихъ, черноволосыхъ, и сколько любви сосредоточено около ихъ кроватокъ. Вѣдь нѣтъ ничего трогательнѣе, когда ребенокъ засыпаетъ, — все равно, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, — и вотъ взрослому и сильному человѣку хочется его приласкать, прикрыть, защитить. Да? Давеча я ссорился съ этими шалунами, а теперь они спятъ, и я съ удовольствіемъ расцѣловалъ бы ихъ. О, я всѣхъ люблю... И мнѣ кажется, что со временемъ люди будутъ такъ же любить всѣхъ людей, какъ сейчасъ мы любимъ только дѣтей. Я глубоко убѣжденъ, что такое время настанетъ...

— Да, Карлъ Карлычъ... И тогда мы сами превратимся въ дѣтей по чистотѣ своихъ мыслей и чувствъ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Робинсонъ Крузо. Переработ. **Е. Н. Тихомировой.**
Терпѣнье и трудъ все перетрутъ. Первый сбор-
никъ для внѣкласснаго коллективнаго чтенія.
Составила **Е. Н. Тихомирова.**

А. С. Пушкинъ. Избранныя сочиненія.
" Сборникъ I. Разныя картинки.
" " II. Сказки.
" " III. Пѣсни. Преданья.
" " " Легенды.
" " IV. Статьи историческія.
" " V. Завѣтныя думы.
" Русланъ и Людмила.
" Полтава.

Л. Н. Толстой. Сборники 1, 2, 3. Басни и послов.
" " 4. Разказы и пословицы.
" " 5. Сказки и разказы.
" " 6. Разказы и пословицы.
" " 7. Былины и разказы,
" " историческое.
" " 8. Разказы о животныхъ
" " и растеніяхъ.
" " 9. Разказы по физикѣ.

40
Вилліамъ. На войнѣ.

Дунинъ. Организациі кооперативной статистики.

Лондонъ. Бѣлый клыкъ.

Маминъ-Сибирякъ. Гдѣ трудъ, тамъ счастье.

Немировичъ-Данченко. За далекихъ братьевъ.

Поспѣловъ. За родину.

Шведеръ. Апостолъ мира В. М. Гаршинъ.

„ Какъ собирать и сушить лѣкарственные
травы.

„ Марсельеза.

„ Черногорія.

Шмелевъ. Мэри.

Алтаевъ. Въ новый міръ.

„ На волю.

„ Крупеничка.

„ Всюду любовь.

„ Черная смерть.

„ Единственный.

Берлинъ. Великая семья человѣчества. Ч. I—IV.

Маминъ-Сибирякъ. Аленушкины сказки.

„ „ Сказка о царѣ Горохѣ.

„ „ Бѣлое золото.

„ „ Рождественскіе огни.

„ „ Хитрый нѣмецъ.

„ „ Последняя треба.

„ „ Дорогой камень.

„ „ Медвѣдка.

„ „ Старинка и новинка.

„ „ Въ степи.

РОБИНЗОНЪ КРУЗО. Переработано Е. Н. Тихомировой.
 ТЕРПѢНІЕ и ТРУДЪ ВСЕ ПЕРЕТРУТЪ. Первый
 сборникъ для внѣкласснаго коллективнаго чтенія.
 Составила Е. Н. Тихомирова.

Продолжается подписка на 1918 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

„ЮНАЯ РОССІЯ“

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Пятидесятый годъ изданія.

12 книжекъ научно-популярнаго и литературнаго журнала,
 въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти,
 рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и
 біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ картинъ и
 портретовъ замѣчательныхъ людей;

6 книжекъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 15 р., на полгода 8 р., на три
 мѣсяца 5 р.; отдѣльный номеръ 1 р. 50 к. съ пересылкою.

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“

журналъ для учителей и воспитателей.

Пятидесятый годъ изданія.

8 книжекъ въ годъ. Журналъ слѣдитъ за развитіемъ
 мысли и рациональныхъ методовъ преподаванія, главное же
 вниманіе въ настоящее время удѣляетъ вопросамъ о созданіи
 новой народной школы, соответственной новому общественному
 строю жизни и вопросамъ объ организаціи русскаго учительства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 6 р., на полгода 3 р.;
 отдѣльный номеръ 80 к. съ пересылкою.

Редакторъ-издательница Е. Н. ТИХОМИРОВА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

КАТАЛОГЪ

книгоиздательства Е. Н. Тихомировой высылается

Б Е З П Л А Т Н О.

100 =

-20

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, Большая Молчановка, д. № 18.
2. Москва, Воздвиженка, д. № 4, Книжный Складъ
Т-ва „Кооперативное Издательство“

Представительство по продажѣ изданій Е. Н. ТИХО-
МИРОВОЙ кооперативнымъ объединеніямъ всей Россіи
предоставлено Т-ву „Кооперативное Издательство“,
(Москва, Воздвиженка, д. № 4).